

ОН ГОРЯЧО ЛЮБИЛ МОСКВУ

О московских гравюрах Гурия Захарова

А каждый день меняет облик Босква. Аоренные москвичи, переехавшие в новые районы, с тайной грустью встречаются со старыми домами, где прошли детство, юность, где судьбы свершали необратимые повороты.

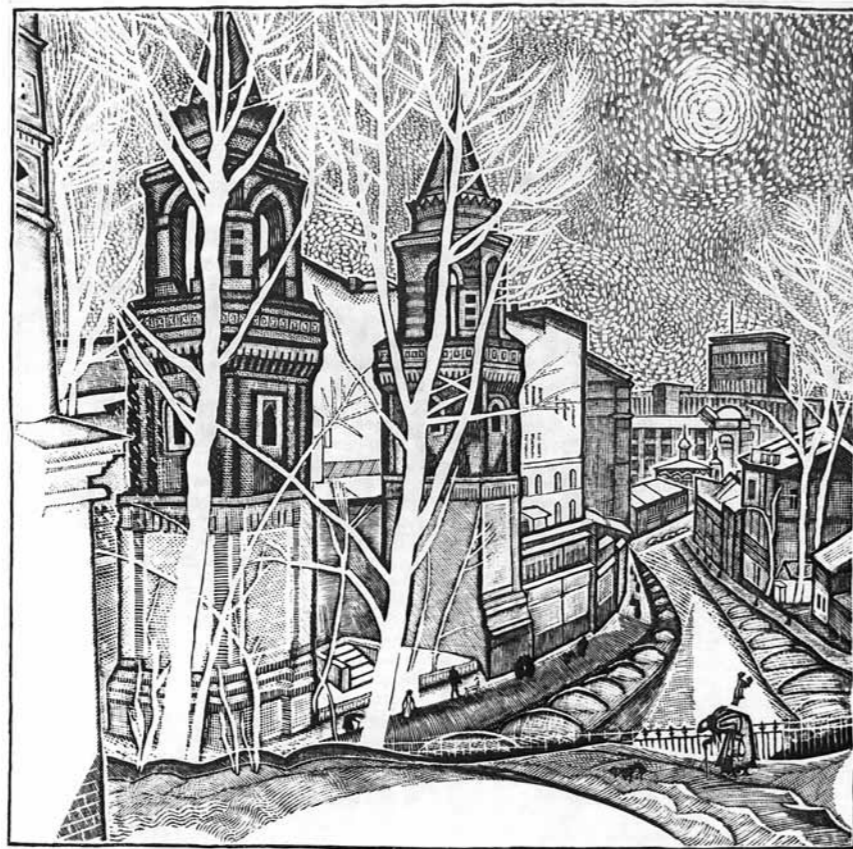
Больно видеть на месте дома, где прожито столько лет, порой полжизни, наскоро разбитый сквер. Еще весной дом стоял,

а летом – цветник. как случилось и со мной. йроезжаю по каганской улице – нет углового дома 33/61 на Большой Андроньевской. оетко отпечатался

в памяти его фасад в стиле «модерн» с лепными маскаронами и сине-лиловым кафелем, красивый снаружи, а внутри – типичный доходный дом начала мм века: теснота коммунальных квартир, узкая лестница, пропахшая кошками.

Т жалеть-то не о чем. Во в снах является старый дом, которого мгновенно не стало в фестивальное лето... Жизненные заботы не дают впасть в ностальгию

по утраченному прошлому. Т все же в душе каждого москвича отведен уголок Боскве уходящей.

Много лет жил в Москве Гурий Захаров. Родился он в старинном русском городе Кимры. И самое удивительное, в начале шестидесятых художник так увидел и почувствовал Москву, словно торопился ее запечатлеть, опасаясь, что каждый мотив, как видение, может исчезнуть внезапно и навсегда. Его детство проходило далеко от Москвы, а впечатление от его гравюр такое, будто он на Таганке родился и вырос. В офорте «Марксистская улица» я вижу улицу детства. Знал ли художник, что улицы через десяток лет не станут, будет совсем другая, и что ему одному выпадет на долю изобразить ее с узкими тротуарами, рядами старых лип, с горбатой булыжной мостовой, припорошенной снегом? По улице в поздний час идет женщина. В ней узнается жена художника, скульптор Татьяна Соколова. Кажется, что силуэт запоздалой прохожей застыл неподвижно, а деревья движутся. Они словно расступаются в стороны, шевелят замерзшими ветвями, среди них сверкает одинокая звезда. Тени деревьев скользят в свете фонарей по тротуару, взбираются ступеньками

вверх по бревенчатой кладке деревянного дома.

Коммунистическая улица в одноименном офорте художника переключается с Марксистской. Он – ее зеркальное отражение. Вновь ночная улица с вековыми громадными тополями. Художник уже не застал старых тротуаров, погребенных под многослойным асфальтом, из больших, прекрасно отесанных каменных плит, разноцветных под дождем. Странной, бесплотной тенью мелькнул прохожий, как гриновский персонаж из «Лунного света». Эта улица уцелела, а той Марксистской, в прежнем виде, – уже нет. Здесь протуберанцем слепит глаза фонарь, там его не увидит. Снова – улица моего детства.

Дарование художника развернулось в те годы, когда станковая гравюра набирала высоту. В это время интересно работали в Ленинграде О.Почтенный, А.Ушин, в Москве – И.Голицын. Подчеркнутая четкость композиционного построения московских пейзажей Захарова шла от его пылкости – на первых порах он настойчиво изучал полюбившиеся городские «объекты», вжившись же в

них, возвратившись, и не раз, к полюбившемуся мотиву города, он его обживал обстоятельно, неторопливо. Художник обладал редким даром интуиции. Она-то и давала ему возможность априорно постигать труднопостижимое. Не потому ли ему дано было видеть за реальными домами, дворами, закоулками, за открывающимися из-за них перспективами давно прошедшее и не им пережитое? Подобное доступно только подлинному мастеру.

Летописью Москвы, древней и новой, гравюры Захарова не назовешь. В них нет методичного и обстоятельного повествования. И рассказа тоже нет. Есть нечто такое, что ближе всего к стихам, не стиснутым рифмой, но с четко заданным ритмом, с предельной концентрацией содержания, отлитого в единственно возможную формулу, с разнообразным эмоциональным звучанием от эпически созерцательного до гротеска с лирическим подтекстом. Ирония в его листах переплетается с грустью, мечтательность не противоречит рассудочности. Ассоциативный строй гравюр художника – как поэтические строки.

Владимир Фаворский когда-то говорил, что чувства у него не более чем у других, просто он смотрит пространство, другие же этого не делают. То же самое мог бы сказать Гурий Захаров, сложившийся как художник во многом под влиянием выдающегося гравера нашего времени.

Монументально воспринята Москва в одной из ранних линогравюр – «Проспект Мира». Умение оперировать силуэтом, акцентирующим глубинность целого и одновременно сохраняющего плоскость, отличает этот лист. Пространственное построение основано здесь на постоянном удалении параллельно расположенных холмов пустыря. Арки дальнего виадука зияют ослепительной белизной, прорываясь в далекое и необъятное воздушное пространство. В центре плоскости по краям усиливают ее. Пейзаж с виадуком полон торжественной мощи. Художник и не предполагал, что высокие жилые дома в этой части проспекта Мира навсегда засло-

нят собой железнодорожный виадук, из-за которого когда-то открывалось «прекрасное далеко»?

Художник любил бродить по Москве на рассвете. В эту пору здания особенно тихи и торжественны. Старая Солянка неудобна для дневных прогулок. Слишком большое движение, улицу трудно перейти, машины ревут. Зато в ранний час красота улицы открывалась решительно во всем, включая незначительную деталь – широко распахнутое окно где-то наверху. Захаров верен себе: в его представлении поэзия города не чужда обыденного. Житейские подробности – как простые слова, наполняющие достоверностью чеканную стихотворную строку. Таков офорт «Солянка». Художник неоднократно возвращался на эту улицу. Наблюдал ее вечером. Размышлял об одинокой старости, благополучной зрелости, беспечной юности. Тишина улицы взрывается песней под гитару, дама чинно прогуливает собаку, старушка с палкой бредет, тяжело ступая. Кругом – живописная теснота заборов, деревянных и каменных домов и домишек, ворот, дверей, окон и оконцев, характерных в конце 60-х годов именно для этой части Москвы, между Таганкой и Китай-городом.

Колокольня церкви XVIII века там, где кончается Солянка и перекинута через Язу Астахов мост, заманива для многих художников. В линогравюре Захарова «Яузские ворота» церковь взята в неожиданном ракурсе. Она – фон для портрета в рост, парадного портрета Татьяны Соколовой. Сверкают вечерние огни, сияют ореолами звезды, месяц... Вы замечаете, что величественное здание и горделивая прохожая как будто соперничают – кто выше, более статен. Чувство юмора, присущее художнику, не дает им вознестись на котурнах. И вы с улыбкой отмечаете, что церковь вырастает из пьедестала домов за мостом, а постаментом для женщины служит целая улица.

Долгие годы Захаров жил на улице Володарского, она же Гончарная. Не раз он взбирался по крутому Ватину переулку, стойко хранящему в памяти старожилы свое прежнее название – Швивая горка. В разговоре его

◀ Вид от церкви Св. Владимира в Старых Садах. Из серии «Москва» 1985 Линогравюра 85×83

◀ View from the Church of St.Vladimir in Stary Sady (Old Gardens) Series "Moscow" 1985 Linocut 85 by 83 cm

Автопортрет в мастерской. Из серии «Московские интерьеры и портреты» 1986 Линогравюра 89×70

Self-portrait in the Artist's Studio Series "Moscow Interiors and Portraits" 1986 Linocut 89 by 70 cm

часто переименовывали – Швивая горка. На самой ранней гравюре «Ватин переулок» мальчик катается на санках, рискуя врезаться на бешеной скорости в парапет Язу. У Захарова на этой улице впервые встречаются и расходятся детство, молодость и старость. Здесь всюду – двух-трехэтажные покосившиеся домики. На более поздних гравюрах их уже нет. «Швивая горка», награвированная через несколько лет, – совсем другая. Художник смотрит на нее снизу, от высотного дома на Котельнической набережной. Улицу спрямили, но крутизна осталась. Новые дома с балконами сильно отступили от тротуаров, и открылся чудесный вид на церковь Никиты Мученика на вершине горки, где находится подворье Афонского монастыря в Греции.

В гравюрах Захарова Москва предстает городом крутых берегов и холмов. Даже площади ее холмисты, например Таганская. В активно растущей ввысь старой части города сохранилось, на удивление, еще много мест, открытых для глаза. В этом убеждает линогравюра «Яуза». Пешеходный мостик изящной дугой изогнулся над извивом реки, а дальше, словно крепостная стена, – высокий железнодорожный мост с редкими

дался образ. Очищал найденное от ненужных деталей, а иные добавлял по своему усмотрению. Ему не скучно было лицезреть многоэтажные дома, – в них не найти буквального пересчета окон, а дома – узнаваемы. И деревья у него особенные. Ему важно не то, сколько у дерева веток, куда любопытнее их устройство. Он обладал точным композиционным чутьем и изобретательностью в построении каждого листа. Его городские пейзажи чем-то напоминают интерьеры со сложными пространственными зонами и ячейками. Недаром после окончания Высшего художественно-промышленного училища он стал специалистом по интерьеру.

В Захаровских гравюрах всегда ясно, каков рельеф местности, где пролегает улица, извилистая она или прямая, как расположены дворы, как завязаны сложные, но под его резцом всегда распутанные узлы большого города. Испытав благотворное влияние В.А.Фаворского, Захаров творчески, а значит смело, продолжил большие традиции. И его художническая самобытность более всего проявилась, возможно, в городских пейзажах.

У старого, ушедшего в прошлое Арбата и его переулков был свой поэт, Булат Окуджава. У Таганки был свой художник, Гурий Захаров. Запечатлел он и другие уголки Москвы, причем очень интересно. Гравюры, посвященные Таганке, можно разделить на циклы и сюиты, как стихи, посвященные чему-то одному. Прекрасное оказалось поблизости, в прилегающих к Яузе улицах, в десяти-двадцати минутах ходьбы от дома.

Дыхание большого города мы ощущаем не только и не столько в изображении широких перспектив и панорам, сколько в маленьких улочках, причудливо змеящихся, как русла старых ручьев. Пульс жизни в них бьется мерно, а не учащенно, и человек обретает душевное спокойствие и равновесие чувств, необходимых ему как воздух. Город набирает здесь большое дыхание и предстает одухотворенным. Город Захарова – не для суетного беглого обзора. Его город – для тех, кто неторопливо ходит пешком, кто его действительно любит.

Валентина Азаркович

Торжок.
Набережная.
Из серии
«Путешествие
по Пушкинскому
кольцу». 1978
Линогравюра
69×66

Torzhok
Embankment
Series
"Pushkin
Ring Travel"
1978
Linocut
69 by 66 cm

арками. Мосты создают автономные пространства в пределах единой перспективы, которую держит извилистый приток Москвы-реки. Здесь необычайно много объята взглядом. Венчают пейзаж далекие очертания архитектурного памятника XV века, давшего название площади и двум улицам, Большой и Малой Андроньевским. Найти и изобразить старый рабочий район столицы, найти гармонию между древностью и современностью – значит открыть дотоле сокрытое. Сложность пространственного построения пейзажа – лишь часть этого открытия. Лучи солнца озаряют горизонт, штриховка из темной и густой становится серебристой, свето-

носной. Лучи осеняют и мосты, и набережную, и замерзшую реку, вливая в душу морозную бодрость, слагают гимн городу.
Гурий Захаров любил выходить из дому после снегопадов. Тогда контрасты светлого и темного становились как бы готовой тональной раскладкой для гравюр, город представлял восприятию подчеркнuto «графичным». Впрочем, природу и городской ландшафт в готовом виде он, как истинный поэт и художник, не воспринимал. Всегда искал свою, особенную точку зрения. Натуру пропускал сквозь воображение, а уж она-то подсказывала линии, объемы, силуэты и штрихи, из которых рож-

MOSCOW

in Guri Zakharov's engravings

MOSCOW, LIKE ANY OF THE WORLD'S GREAT CAPITALS, IS CONSTANTLY CHANGING ITS APPEARANCE. THE UNIQUE CHARM OF EACH AREA CHANGES AND, THE MORE TIME PASSES, THE MORE WE APPRECIATE THE EFFORTS OF PAST MASTERS TO RECORD THE MOSCOW THAT THEY SAW. GURI ZAKHAROV WAS SUCH MASTER, AND THE ARTIST LIVED A LARGE PART OF HIS LIFE IN THE CITY THAT HE SO GRACEFULLY DEPICTED. BORN IN THE SMALL AND ANCIENT RUSSIAN TOWN OF KIMRY, HE TOOK MOSCOW CLOSE TO HIS HEART, TRYING TO PORTRAY EVERY DETAIL OF THE CITY'S ENVIRONMENT, AS IF IN A HURRY TO CATCH THE ATMOSPHERE THAT PREVAILED IN THE CITY IN THE 1960s.

Моя мать
перед церковью
Св. Иоанна Воина.
Из серии «Москва»
1987
Цветная
линогравюра
100×77

My Mother
at the Gate
of the Church
of St. John-the-Warrior
Series "Moscow"
1987
Colour linocut
100 by 77 cm

Though he spent most of his younger years far away from Moscow, the general impression which comes from his works is that they were created by a true Muscovite. Since it is impossible to squeeze an entire city into one piece of paper, Zakharov concentrated his artistic attention on a small district in the centre of Moscow, around the Taganskaya square.

In his etching "Marksistskaya Street" I see the street of my own childhood. How could the artist know that in some dozen years or so the street would no longer be there? And that he will be the only one to have depicted it - with its narrow pavements, its alleys of old lime trees, and crooked stone roads, drizzled with snow? One can see a dim figure of a woman walking away in the twilight. The figure turns out to be that of the artist's wife, Tatiana

Sokolova, a sculptor. It seems, however, that the figure is motionless and it is the trees that are moving. The trees appear to be parting, and thus opening the way to a lonely star that can be vaguely seen in the darkened sky. The shadows of the trees are sliding in the faint light of the street lamps, barely reaching the logs of an old wooden house. There is not a single spark of light in any of the windows. Everyone is asleep, or perhaps the house is abandoned already.

Zakharov's etching "Kommunisticheskaya Street" is a mere reflection of that previous one: the same night view of the street with its century-old poplars. The street is still alive, unlike many others in Zakharov's etchings, yet it has changed so radically that it is now almost unrecognizable. Yet another street of my childhood.

Guri Zakharov lived and worked during the period in which the art of the engraving was reborn. Such artists as O. Pochtenny and A. Ushin from Leningrad, and I. Golitsyn in Moscow were very active in this kind of artistic technique. Zakharov's cityscapes were marked by a strict composition that resulted from his keen attention to the object which he was depicting. He had a unique artistic intuition which opened new horizons for his creativity. He managed to go "behind the scenes" of the simple (and real) houses, streets, yards, dead-end streets and other locations. As a true master, he was able to save the feeling of the past, as well as express his own life experience. It would be unfair to compare Zakharov's engravings to chronicles of the ever ancient and modern Moscow: they are not such narratives.

One might compare them to poetry, and more specifically to blank verse. Not chained by rhyme, yet marked with certain inner rhythms with the greatest concentration of emotional colouring: from the grotesque to the lyrical. Zakharov combines irony with sorrow, dreamy motifs with reason. The associative element in his engravings echoes such poetic lines.

A master of the art of the engraving, Vladimir Favorsky once said that he had the same set of feelings that everyone else did – but the thing was that he simply stared into space, while others did not. This remark can also be referred to Guri Zakharov, who had experienced the great impact of Favorsky's work on his creativity.

Some of Zakharov's engravings (linocuts), like an early work called "Prospekt Mira", reflect Moscow's true

Рябина, пижма
и бронзовая
скульптура. 1986
Б., акварель
102x73

Ashberry,
Tansy and Bronze
Figurine
1986
Water-colour on
Paper
102 by 73

monumentality. The artist's unique skill to demonstrate great depth through flat silhouettes is especially evident in this work. The lonely hills, growing constantly more and more distant, become the basis for the compositional structure of the piece. The arcs of a remote viaduct blind with their whiteness, and seem to be literally rising up in the air.

The artist loved wandering around Moscow at the crack of dawn to contemplate the silent grandeur of the buildings. Solyanka Street, an old street in the centre of Moscow, is not suited for daytime walks because of its crazy traffic: however during the early hours of dawn its truly charming beauty is presented to the greatest extent, revealing unexpected details: a wide open window or something else... Zakharov had the ability to find poetic beauty in everyday life. Thus any architectural element could play the role of a poetic metaphor, and such is the Solyanka work. The artist could be seen on the street at any time of the day, morning or night. In his etchings Zakharov managed to pass on his fresh and vivid perceptions of time and place so specific to their location: the picturesque "togetherness" of the fences, stone and wooden houses, gates, doors, windows – all so characteristic of this part of Moscow in the 1960s.

The bell tower of the 18th century church at the end of Solyanka where the Astakhov bridge crosses the Yauza river has always been an attraction for many artists: Zakharov was no exception. His engraving, "Yauzskiye Gate", provides an unusual background for a portrait of the artist's wife: the magnificent edifice rivals the female passer-by in the glamour of the night. It is hard not to feel the humour of the situation: it seems as if the houses across the bridge serve as a pedestal for the church, while the podium for the woman is the entire street.

In Zakharov's engravings Moscow is portrayed as a city of steep river banks and hills. Even some squares, like Taganskaya, appear uneven. The best example of this tendency is his linocut "Yauza" (a tributary of the Moskva

River). A small pedestrian bridge resembles a tightly strung bow, while in the perspective one can see a high railway bridge with some few arcs; together, the bridges create a peculiar perspective. The viewer's eye inevitably catches the far-away silhouettes of the architectural monument of the 15th century, the monastery that lent its name to a square and two streets – Bolshaya and Malaya Andronievskaya. In Zakharov's linocut the rays of the sun brighten the horizon, the bridges and the embankment of the frozen river. All this indeed "sounds" like a hymn to the beauty of the city.

Guri Zakharov liked to take long walks after heavy snowfalls, when the whole city looked like an engraving – with everything defined in black and white. The artist never portrayed anything "just as it was", instead he constantly looked for a particular point of view, colouring the cityscapes with his artistic imagination. Poetry and art were happily married in his personality: he strived to create and imagine – omitting unnecessary details, but adding some of his own. Thus he engraved "portraits" of houses, streets or trees. His cityscapes resemble intricate interiors with numerous corners and arcs (ironically, Zakharov's profession was that of an interior designer).

Just as the legendary old Arbat area had its own poet – the famous songwriter Bulat Okudjava – the Taganskaya region had its own artist, Zakharov. In his quest for the beautiful, Zakharov did not have to go far – it was all there, just a short walk from his home.

A major city is recognized not by its wide panoramas, but often rather by its small, curving and narrow streets. Like arteries, the streets, side-streets and dead-ends are the blood vessels of the city's organism. Zakharov's Moscow is not meant for a hurried glimpse. His city is for those who do not absorb beauty in gulps: it is for those who, like true gourmets, take time to appreciate it.

Valentina Azarkovich